

Цзин Хао был сосредоточен вовсе не на тексте урока. Он смотрел на аккуратные мочки ушей Цзян Линя, на его белоснежную, изящную шею — всё это сливалось в его воображении с той ночью, и он предавался сладким грезам.

Ян Сюй цыкнул языком:

— Теперь я верю: он и правда запал на брата Цзяна.

Чэн Бовэнь отнесся к этому крайне скептически:

— С чего ты взял?

— Да ты посмотри на него, — выдал Ян Сюй. — На эту его физиономию сдвинутого фаната, слюнки вот-вот потекут, на морде же написана чистейшая одержимость.

Чэн Бовэнь зевнул и неторопливо произнес:

— Он и раньше так делал, просто не выставлял напоказ.

— Чего?! — Ян Сюй почувствовал себя так, будто его шарахнули мощнейшей новостью, и тут же вцепился в рукав Чэн Бовэня. — А ну выкладывай всё, когда это началось? Какая бомба!

Еще в те времена, когда они ходили в штанишках с разрезом на попе, Чэн Бовэнь уже проявлял незаурядные способности к наблюдению.

В период подростковой чувствительности этот навык обострился еще сильнее, особенно в том, что касалось нюха на сплетни и выслеживания, какой парень по ком сохнет. Но что удивительно: он еще ни разу не ошибся. Казалось, это таинственное чутье дано ему от рождения, хотя самому ему и даром не сдалось наблюдать за чужими страстями.

Сдружившись с Цзин Хао, он сам собой заметил, что за тем вечно таскается какой-то парень: бегают по поручениям, делает за него домашку. Цзин Хао никогда не говорил ему спасибо и даже не удостоивал разговором, но каждый раз, когда этот малый смотрел на него с напускным равнодушием, в его глазах мелькало обожание — такое не утаишь.

Давно пора было догадаться.

Во время перерыва мастер сплетен Ян Сюй утащил Цзин Хао в угол, намереваясь докопаться до самой сути, а Чэн Бовэнь, лениво скрестив руки на груди, пристроился поглазеть на представление.

— Хао-гэ, колись по-хорошему, ты ведь запал на брата Цзяна?

— Тебе что, заняться больше нечем, объелся с утра? — громко рявкнул Цзин Хао, пытаясь скрыть смущение, и его уши густо покраснели. — Кто по нему сохнет, с чего ты взял!

— Всё еще ломаешься? — недовольно протянул Ян Сюй. — А ну-ка, признавайся, ты сам-то за собой последние дни замечал что-нибудь нормальное?

Ян Сюй даже принялся загибать пальцы:

— Хочешь, я тебе по полочкам раскладываю? За один урок ты поворачиваешь голову налево в среднем раз в пять минут. На самоподготовке стабильно пялишься на одну и ту же цель минут по три кряду, а потом уголки твоих губ сами собой ползут вверх — сразу видно, как ты

счастлив.

— Ты больной? — обругал его Цзин Хао. — На уроке больше не на кого пялиться, кроме меня?

Ян Сюй:

— ...

Но как верный друг, он всё же решил прекратить шутки:

— Хао-гэ, я серьезно. Если нравится — беги добивайся, а не то кто-нибудь другой подсуетится раньше тебя, где потом плакать будешь?

— Плакать? Да я скорее удавлюсь! — Цзин Хао резко развернулся и зашагал прочь. — Сдался он мне, ха!

Ян Сюй отвис челюсть:

— Сдается мне, с таким подходом он брата Цзяна ни за что не добьется...

Чэн Бовэнь бросил:

— Весь мир знает, что он влюблен в Цзян Линя, и только он сам ни о чем не догадывается!

Уй Байянь

— Братец, я же уже пыталась все выведать: Ло Цин наотрез отказывается даже слышать твое имя, — Юй Байянь сидела на диване, зажав сигарету между ухоженными пальцами. — Так что допытываться у меня бесполезно.

Уй Байянь помрачнел, его взгляд стал до жути леденящим — казалось, он готов живьем содрать с Юй Байянь кожу.

— Но ты же прекрасно знаешь, что это была случайность! — Юй Байянь сильнее сжала подлокотник кресла, ее крайне раздражал такой тон сестры. — Если бы не твои выкрутасы, мы с ним не скатились бы до того, что имеем сейчас!

— Братец... — Юй Байянь явно не хватало уверенности. — В любом случае, всё уже зашло слишком далеко. Что ты теперь сделаешь, выбросишь меня, собственную сестру, на съедение волкам?

— Ты! — Уй Байянь устал от ее вздорного поведения. — Проваливай в свою комнату и чтоб я тебя больше не видел!

Юй Байянь яростно затушила едва начатую сигарету. Притворяться невозмутимой больше не получалось:

— Уй Байянь, опомнись, я твой самый близкий человек! Мамы нет, отец вечно занят, с детства ближе меня у тебя никого не было, а теперь ты орёшь на меня из-за какого-то чужака?!

Да у него ни гроша за душой, ни влиянья, с какой стати он тебе ровня?

Юй Байянь распалялась всё сильнее:

— При твоих данных о каких парнях ты можешь только мечтать? Зачем вцепился мертвой хваткой именно в него?

— Заткнись! — оборвал ее Уй Байянь. — Не твоего ума дело, с кем мне быть.

— Ха, ты что думаешь, он такой же, как раньше? — зло усмехнулась Юй Байянь. — Давно уж со счета сошел, с каким количеством мужиков он в постели кувырчался, о какой чистоте речь? Поношенные стоптанные башмаки, а ты всё сохнешь по ним...

Хлесткий удар пришелся ей по лицу. Юй Байянь замерла, ее голос задрожал:

— Ты поднял на меня руку?

Уй Байянь просто не верил, что из уст его собственной сестры может слететь такая грязная мерзость. Он невольно повысил голос:

— Кто тебе разрешил распускать о нем слухи?!

— Я распускаю слухи? — Юй Байянь вдруг истерически рассмеялась. — Уй Байянь, я сама видела его шею, сплошь усыпанную следами поцелуев! Живого места не было, и насколько же бурной была страсть, по-твоему? Улик предостаточно, какая тут клевета?

Пусть даже Ло Цин тщательно прятал их, ей стоило лишь невзначай потянуть за воротник, как всё тайное стало явным. И он еще имел наглость врать ей, что свободен! Проклятая дешевка!

Юй Байянь сжала кулаки. Раньше она общалась с Ло Цином, водилась с ним лишь для того, чтобы всякие ушлые девицы не подобрались к ее брату. Но она и подумать не могла, что этот мужик способен точно так же вскружить голову, что его соблазнительные чары превосходят женские. Она потеряла бдительность, но как бы то ни было, она не позволит какому-то парню разрушить жизнь ее брата.

Уй Байяню было не до головной боли, он не хотел продолжать пустые споры:

— Дай мне его номер. С этим я разберусь сам.

Уй Байянь никогда не считал себя любителем мужчин, но с того самого дня, как сестра привела в дом этого миловидного парня и познакомила с ним, что-то внутри него начало медленно меняться. Пушистые мягкие волосы, очаровательные клыкастые зубки, мягкий и солнечный нрав — Ло Цин был ярким и ослепительным, словно маленькое солнышко, и трогал самые потаенные струны его души.

Однако он так и не успел признаться в своих чувствах, как они с Ло Цином разругались в пух и прах. Когда он, сломя голову, примчался обратно, то обнаружил, что ситуация вышла из-под контроля и он совершенно бессилен что-либо исправить.

Все эти годы он жил с тяжелым грузом вины: он не сумел скрыть свои чувства до того, как обеспечил Ло Цину надежную защиту. Он пытался забыть, но чем сильнее старался, тем отчетливее всё всплывало в памяти. Он готовился.

На этот раз он ни за что и ни при каких обстоятельствах не отступится.

Глава 34. Переход

Цзин Хао просто не любил учиться, но соображал вполне неплохо. Тем более, когда дело

касалось Цзян Линя — тут жара проявить себя возрастала в разы. Ему удалось успешно использовать перерыв, чтобы до начала вечерней самоподготовки выучить наизусть трудное стихотворение Трудности пути в Шу. Однако, желая подольше побыть рядом с Цзян Линем, он намеренно схитрил и сделал вид, будто никак не может запомнить строчки, в надежде заставить Цзян Линя позаниматься с ним дополнительно.

Если бы не загруженность работой, Цзян Линь, пожалуй, и согласился бы, но сейчас время было на вес золота, и он оказался в крайне неловком положении.

— Слушай, может, покадешь мне дорогу домой, по пути и объяснишь? Я всё равно обычно возвращаюсь поздно, — предложил Цзин Хао. В душе он сильно нервничал, не будучи уверен, согласится ли Цзян Линь.

— Ну или если завтра я так и не выучу, то не хочу тянуть тебя на дно.

Тут он вдобавок приплел учительницу китайского. Цзян Линь всегда отличался чувством ответственности, так что ему пришлось согласиться: раз уж тот сам не против, какой смысл переживать, во сколько кто вернется домой.

— Ну ладно. Можешь пока поделаться домашку, я освобожусь — споемся.

— Не нужно, — Цзин Хао глубоко вздохнул. — Я... я лучше пойду с тобой.

— Со мной?

— Угу, — кивнул Цзин Хао. — Хочу побыть... с вашими котятами подольше.

Цзян Линь кивнул, ни о чем не подозревая.

Постепенно он стал замечать, что Цзин Хао и впрямь сильно изменился.

Тот вроде бы сидел в сторонке за уроками, но вдруг срывался с места, перехватывал у него бутылочку с молоком и помогал кормить малышей, а если кто-то капризничал, с невероятным терпением укачивал котенка. От этого на сердце у Цзян Линя становилось тепло: оказывается, когда Цзин Хао проявлял нежность, в нем не оставалось ни капли прежней резкости, пусть эта забота и доставалась не ему.

Пусть они не могут быть ближе, чем просто обычные приятели — пожалуй, и это неплохо.

Сюй Вэй запомнила Цзин Хао еще после того случая и теперь молча наблюдала, как он уже битый час суетится вокруг Цзян Линя. Женское любопытство неизлечимо: не успел моргнуть и глазом, как она уже утянула Фэн Яояо шушукаться в сторонке.

— Яояо, глянь-ка на этого красавчика. Он всё крутится возле нашего Сяо Цзя. Я-то сперва думала, он и вправду от кошек без ума, а оно вон оно что, пришел на человека поглазеть.

— Ви-цзе, ты о чем вообще?

— Эх, Яояо, ты ничего не понимаешь. Ты только посмотри, какими глазами он смотрит на Сяо Цзя — точь-в-точь как ты на своего любимого актера-айдола.

Фэн Яояо вгляделась повнимательнее: и правда, очень похоже!

Она-то фанатела по своему кумиру, но этот симпатичный парень к Сяо Цзя...

Погодите-ка, два парня?!

Фэн Яояо широко раскрыла рот, чуть не уронив челюсть от изумления.

Сюй Вэй бросила на нее полный жалости взгляд:

— Яояо, иди сюда, я просвещу тебя насчет некоторых вещей.

Как ни милы были котята, Цзин Хао вовсе не улыбалось до упаду прислуживать им: то они наотрез отказывались пить, то вытягивали алые язычки и принимались истошно мяукать, требу добавки. Особенно усердствовал один черный котенок — стоило поднести молоко, как он тут же забывал обо всем на свете, лип к рукам и не отставал.

Цзин Хао только закончил кормить его и собирался перейти к следующему, как этот пройдоха жалобно потщелся о его руку, обхватив рукав двумя лапками, высунул язычок и принялся жалобно мяукать, демонстрируя высший пилотаж милоты.

В этот самый миг перед его глазами словно вспышка молнии промелькнула одна сцена. Цзян Линь, с кошачьими ушками на голове, липко и лаптясь подбежал к нему, обвив руками шею и закинув ноги ему на талью. Демонстрируя дружелюбие, он поткнулся о кончик его носа, а затем толкнул его на кровать.

Цзян Линь хлопал невинными глазами, опускаясь всё ниже и ниже, пока не высунул кончик языка и не лизнул в самое уязвимое место:

— Хочу молока.

Цзян Хао, казалось, уже почувствовал, как его младший братец выражает желание встать на постамент, и поспешно спрятался в ванной.

Лицо человека в зеркале покраснело до спелости. Черт подери, почему он вечно фантазирует о нем!

С весны до вечера Цзян Линь самым добросовестным образом служил для Цзин Хао переводчиком с классического китайского, объясняя фразу за фразой и ни капли не выказывая нетерпения. Однако Цзин Хао почти ничего не слушал: для него целью было побыть вместе с Цзян Линем, а не зубрить учебники. Он лишь невпопад поддакивал парой междометий, но всё же шёл чуть быстрее, чем обычно.

Цзян Линю и без того приходится тяжело, ведь он совмещает учёбу с подработкой. Цзин Хао очень хотел проводить время с Цзян Линем, но также надеялся, что тот сможет побольше отдохнуть.

Бушующие потоки и водопады спорят и грохочут, ударяясь о скалы валуны гремят в тысяче лощин. Эта строчка означает, что стремительный водопад бьется о гигантские камни, перекачиваясь в ущелье и издавая громоподобный гул... Ой, мы пришли!

Цзян Линь издал удивленный возглас: оказывается, незаметно для себя они уже почти добрались до его дома.

Осталась еще примерно часть материала, я сейчас быстренько объясню, а ты постарайся послушать, ладно?

Прямо как с ребенком возится, пробормотал про себя Цзин Хао, но вслух всё же произнес:

— Едва ли я это запомню.

Цзян Линь тоже встревожился:

— И что же делать?

Цзин Хао тихонько предложил:

— Можешь взять меня к себе на ночевку.

— Что ты сказал?

— ...Ничего!

Цзян Линь озадаченно посмотрел на него и невольно надул щеки, прямо попав в самое сердце одному человеку.

Такой простодушный и милый, так и тянет подразнить.

Цзин Хао совладал с собой и удержался от желания погладить его по голове:

— Сейчас уже поздно, может, ты сначала поднимешься к себе? А я завтра утром приду за тобой пораньше, и будем повторять по дороге?

— Ну... ладно уж.

Успешно договорившись на завтрашнее утро, Цзин Хао втайне ликовал, но всё же сдерживался, не показывая излишней радости.

— Тогда я пошел, отдыхай пораньше, спокойной ночи.

— Угу.

Цзян Линь очень хотел пожелать ему спокойной ночи в ответ, но вспомнил скрытый в этом подтекст... и пока еще не мог перешагнуть через себя.

Среди ночи Цзин Хао проснулся оттого, что внизу всё было липким. Он знал, что произошло, потому что послевкусие этого сна еще отчетливо проносилось в его голове. Не то чтобы ему раньше не снилось подобное, но объект вожделения еще никогда не был столь отчетливым. Раньше все сводилось лишь к обнаженной спине, и пусть там мелькали белые длинные ноги, лицо всегда оставалось размытым пятном, но на этот раз...

Цзян Линь оказался куда более настойчивым, чем Цзин Хао представлял себе тогда в котакафе. Секунду назад он с невинным взглядом спрашивал: Цзин Хао, не хочешь ли ты тоже полюбить меня?, а в следующую — уже сам принимался расстегивать собственную одежду:

— Цзин Хао, хочешь овладеть мной?

Следуя зову своего сердца, Цзин Хао перехватил те гибкие, словно рыбка, пальцы, притянул Цзян Линя к себе, заключая в объятия, и уверенно коснулся губами его лба.

— Цзян Линь, скажи... ты ведь и правда всё еще любишь меня?

Цзян Линь запрокинул голову и легонько чмокнул его в губы:

— Я всегда любил тебя.

Его руки медленно обвились вокруг талии Цзин Хао:

— Так что, братец Хао, пожалей меня, ладно?

Похоть, подобно бушующей буре, сокрушила его остатки разума. Когда Цзин Хао, полностью расслабленный и удовлетворенный, уже собирался обнять Цзян Линя и погрузиться в сон, его рука случайно коснулась постели внизу. В тот же миг сон рассеялся, и в назначенный час накатила жгучая стыдливость.

Ему приснился эротический сон, да еще с участием бывшего парня, и такой чувственный!

Братец Хао.

Тук-тук, тук-тук.

Цзин Хао закрыл руками покрасневшее лицо. Сун Чэнь всегда поддерживал в школе образ мягкого, обходительного джентльмена с приятным и доступным характером, поэтому осмелившаяся на этот шаг девушка решила рискнуть, будучи абсолютно уверенной, что он ничего ей не сделает, и даже попыталась встать на цыпочки, чтобы коснуться его губ.

Сун Чэнь не успел увернуться, и она поцеловала его в щеку.

Он нахмурился, его поднятая рука медленно опустилась обратно, и с точки зрения Ло Цина это выглядело так, будто он обнимает девушку за талию.

Он хотел убежать, но его ноги словно приросли к земле; он хотел закрыть глаза, но помимо воли продолжал смотреть, как девушка, вдоволь нацеловавшись, отстранилась и уткнулась лицом ему в шею, а Сун Чэнь даже похлопал ее по спине.

Они выглядели как неразлучная пара. Ло Цин больше не мог сдерживаться: я твой парень, Сун Чэнь, почему ты так со мной поступаешь?

Когда Сун Чэнь увидел приближающегося Ло Цина с покрасневшими глазами, его первой реакцией было вовсе не удивление, почему тот здесь, а мысль о том, сколько же он успел увидеть.

— Ай!

Рядом внезапно кто-то выскочил. Девушка испуганно вскрикнула, тут же разжала руки, обвивавшие шею Сун Чэня, и испуганной пташкой спряталась за его спиной. — Ты что творишь, совсем с ума сошел? Ходишь бесшумно, посреди ночи людей пугаешь!

— Сун Чэнь... — Ло Цин даже не посмотрел на девушку, в упор глядя на Сун Чэня: — Тебе нечего мне сказать?

Он не стал требовать объяснений лишь затем, чтобы дать Сун Чэню возможность сохранить лицо.

— Цзяюнь, иди пока в общежитие. — Сун Чэнь испугался вовсе не его вида — им двигало лишь желание не раскрывать свою ориентацию, поэтому он и решил отправить Лю Цзяюнь подальше.

— Сун-гэ, я... — Лю Цзяюнь не договорила, казалось, ее очень волновали их отношения.

— Послушай меня! — нетерпеливо бросил Сун Чэнь. — У нас с ним есть кое-какие дела, нужно разобраться.

Наверное, это какой-то человек, который не нравится Сун-гэ, подумала Лю Цзяюнь и даже не заикнулась ни о чем таком, решив, что у парней просто какие-то старые счеты. Мужские дела — не ее забота, поэтому она с неохотой попрощалась и ушла. Проходя мимо, она бросила на Ло Цзина свирепый взгляд, словно обвиняя в том, что он испортил ей всё веселье.

— Пойди со мной!

Сун Чэнь оттащил Ло Цзина в глубь аллеи, и лишь убедившись, что здесь никто не появится, отпустил его руку.

— Ты почему не в общежитии? Чего шляешься по ночам?

Ло Цин не стал поддаваться на попытку сменить тему и прямо спросил:

— Она тебе нравится?

— Конечно нет! — Сун Чэнь отрезал настолько категорично, что это можно было назвать безапелляционным.

— Тогда почему ты обнимал ее и позволял себя целовать? — В голосе Ло Цзина отчетливо слышались гнев и боль. — Ты со всеми так можешь?

— Нет, — ответил Сун Чэнь. — Просто игра на публику.

Ха, игра на публику! Выглядело это донельзя правдоподобно.

Сун Чэню стало противно от скорбной мины Ло Цзина, и он снова принялся его отчитывать:

— Ты же взрослый мужик, чего ты целыми днями себе на уме выдумываешь?

— Ревнуешь и домысливаешь всякую чушь, как девчонка! Было бы у нас с этой Лю Цзяюнь что-то серьезное, разве тебе вообще что-то бы перепало?

Если бы у него не было лица, похожего на лицо Сяо Яня, думал ли он, что Сун Чэнь станет относиться к нему хоть сколько-нибудь хорошо?

Ло Цин уловил скрытый подтекст. Хотя форма выражения оказалась не слишком приятной, по крайней мере, теперь он был уверен в их чистоте, и тон его смягчился:

— Тогда можешь больше так не делать?

— Я же буду ревновать и думать всякое.

Ло Цин говорил угрюмо, а Сун Чэнь, глядя на его унылый вид, вдруг почувствовал, как сердце неприятно кольнуло.

Сун Чэнь протянул руку и потрепал его по голове:

— Возвращайся давай, прекращай накручивать себя.

Его домашнего питомца оказалось слишком легко умиротворить: одно движение руки по голове — и тот уже потерял ориентацию в пространстве, а перед уходом еще и со злости несколько раз чмокнул его в щеку, явно заявляя свои права.

На следующее утро, оказавшись у дверей дома Цзян Линя, Цзин Хао посмотрел на соевое молоко и палочки из теста, которые специально купил по дороге, и подумал, что ведет себя как какая-то наседка.

Обычно по утрам ему было лень куда-то тащиться, и он скорее остался бы голодным, а тут ради кого-то пошел стоять в очередь. Цзин Хао, Цзин Хао, с каждым годом ты всё больше раскисаешь.

Цзян Линь не заставил его долго ждать и ровно в пятнадцать минут седьмого спустился вниз.

Цзин Хао с напускным недовольством сунул пакет с едой Цзян Лирю в руки:

— На, бери, я купил с лихвой, всё равно не съесть!

— Но я же...

Цзин Хао боялся отказа, поэтому сразу перебил:

— Не возьмешь — выброшу!

Цзян Линь потерял дар речи. Он ведь уже поел дома! Но выбрасывать еду нельзя, поэтому пришлось просто взять пакет и перевести тему.

— Давай продолжим с того места, на котором остановились вчера вечером.

— И опасен он вот так...

Мысленно Цзин Хао выругался: ты даже «спасибо» мне не сказал, думаешь только об этой проклятой учебе! Но, подумав чуть дольше, решил: раз Цзян Линь не стал соблюдать формальности, значит, считает его своим человеком?

Конечно, да! Обязательно да, безоговорочно!

Стоило об этом подумать, как уголки губ Цзин Хао снова поползли вверх, а настроение резко улучшилось.

Заметив, что тот витает в облаках, Цзян Линь не удержался и окликнул его:

— Цзин Хао? Цзин Хао! Ты вообще слушаешь?

— А? Да-да, слушаю.

— И на чем же я остановился?

Цзин Хао напряг память:

— Цзяньгэ крут и неприступен?

Только после этого Цзян Линь недоверчиво кивнул:

— Ладно, продолжим, но давай сосредоточимся.

Чтобы лишний раз не волновать Цзян Линя, Цзин Хао больше не устраивал балаган и слушал предельно внимательно. Как раз к школьным воротам они подошли, когда стихотворение подошло к концу.

Цзян Линь почувствовал себя легко и непринужденно:

— Теперь просто перечитай еще пару раз, чтобы привыкнуть.

Цзин Хао, глядя на улыбающееся лицо Цзян Линя, уже собирался что-то сказать, как вдруг услышал знакомый голос:

— Цзян-гэ!

Ян Сюй неся так, будто бежал стометровку, оставив Чэн Бовэня далеко позади. Напролом растолкав Цзин Хао, он подскочил к Цзян Линю и радостно затараторил:

— Цзян-гэ, способ, которому ты меня научил в прошлый раз, просто супер! Вчера вечером я сел решать задачи и обнаружил, что он работает везде! Ты просто гений!

<http://bllate.org/book/20916/2115508>